

44. ДВЕНАДЦАТЬ БЕСОВ

Хроника «Генерал и егерь» побудила двенадцать «простых читателей» (по их самоопределению) взять бумагу и ручку, чтобы сочинить и послать в редакцию приговор: Козлович – предатель.

Все двенадцать писем пламенеют ненавистью «простого народа» к писателю, «очернившему борца за народ Фролова». Главный редактор Иосиф Середич благоразумно не стал их тиражировать, видимо, опасаясь превратить «Народную волю» в «Правду» тридцатых-пятидесятых либо в «Советскую Белоруссию» восьмидесятых, когда народ очень любил травить неудобоваримых писателей (в том числе меня).

Письма были переданы редактором мне. Без каких-либо условий. Следовательно, я имею право использовать их в своей работе, включающей и так называемую обратную связь, то есть анализ, цитирование, комментирование читательских писем как документов времени.

Из двенадцати вариантов ненависти я выбрал один – самый яростный, самый толковый, самый детализированный. Целая тетрадь! Я читал ее полдня.

Пропуская несущественные моменты ради экономии места, процитирую письмо «простого сельского пенсионера» (так он себя называет). Первый раз читать было тяжело, хотя, как мне казалось, я научился держать удар. Сейчас, набирая его на компьютере, я хладнокровен. Моя забота – не исказить письмо как зеркало нашего народа. Не буду нарушать логику современника-оппонента пространными комментариями и правкой.

Письмо передано мне без конверта. В компьютере редакции не оказалось адреса читателя и его полного имени. В тексте упоминается поселок Логшин Пинского района. Письмо подписано: М.Дубовик.

«Предчувствуется, что «Народная воля» сходит с позиции оппозиционности, напечатав сомнительный материал Козловича «Генерал и егерь». Уверен, подавляющее большинство истинных демократов и им сочувствующих шокировано, других, поклонников власти да и верхушку, не сомневаюсь, творение Козловича порадовало.

Несколько лет я собирал каждый номер «Народной воли», они хранятся у меня и сейчас. Потом начал делать вырезки интересных материалов, на первом месте были хроники А.Козловича. В начале шестидесятых годов мне пришлось работать в местах, где родился Козлович. Иногда бывал и в его деревне Горск. При чтении хроник мне было тепло на душе. Может быть, думалось, я когда-то встречал школьника Козловича, идущего в деревню Малечь в школу, а затем ставшего знаменитым писателем.

Ваша хроника «Генерал и егерь» меня шокировала. Вы, Козлович, плюнули в душу не только генералу Фролову, но и всем вашим поклонникам, которые, уверен, отвернутся от вас. Это же подумать только надо! Книгу, свое детище, ты от души даришь человеку, а он использует по другому назначению, в

туалете. Есть чему обидеться человеку с высоким мнением о себе. Вот и вся причина ваших претензий к Фролову.

Далее, по мнению Козловича, идут более веские причины. Это безразличное отношение Фролова к дневнику-отчету егеря Новикова. Козлович дает выдержки. Я прочитал. Точь-в-точь мой дневник, который я веду для себя, куда заносу записи, типа: погуляла или растелилась корова, сажал картошку, косил траву, привез сено и т.д. Но мой дневник интересен только мне, понимаю, что никакого общественного значения он не имеет. В дневнике Новикова я ничего значительного не увидел, такого же мнения был, наверное, и генерал Фролов. Какой мелкий повод, чтобы зацепить Фролова.

Другая веская причина, по мнению Козловича, почему он наехал на Фролова, это его категорический отказ от покаяния, по словам Новикова, за все злодеяния власти. Но какое преступление совершил, допустим, Хрущев, не допустивший атомной войны, когда мир висел на волоске? Уничтожение Сталиным невинных людей в Гулаге и Куропатах – преступление, но победа под руководством Сталина над фашизмом преступлением быть не может. Какое преступление совершил Брежнев со своим застоем, о котором многие вспоминают с теплотой?

Какое преступление совершил Машеров со своей мелиорацией? Козлович категоричен: Машеров загубил природу. Почему Козлович считает, что только он прав? На осушенных землях собирают большие урожаи. Спросите у более пожилых жителей Полесья: согласны ли они, чтобы вернулось болото? Нет. Правда, при мелиорации были отрицательные моменты. Река Вислица в моих краях спрямлена, превращена в широкую канаву, рыбы стало меньше. В вашем Горске высохли колодцы. Кое-где появились пыльные бури. Ну, и другие мелочи. Но в целом положительного в мелиорации намного больше. *(«Мелиорация» – одно из самых гнусных злодеяний социализма в Беларуси. Об этом написано много книг и статей, и моих, и других авторов. Прощать убийство родной природы, искать в деятельности «мелиораторов» оправдательные мотивы сегодня может только внушаемый бес. – А.К.)*

Может быть, такого мнения и генерал Фролов. Так зачем вы вместе с егерем Новиковым насилуете его, заставляете покаяться в несуществующих грехах?

Козлович, которого я боготворил, оказался мелким шантажистом с низкими моральными устоями, а попросту предателем. Вряд ли Горск будет гордиться таким земляком. Вы замарались до конца своих дней.

Я не знаком с генералом Фроловым, но по печати у меня сложилось мнение, что это человек простой, может быть, чуть простодушный, прямой, чуть грубоватый по обстановке, честный, не продажный, смелый. Козлович же утверждает, что Фролов политик-недоросль и недостойн быть президентом.

Создается мнение, что Козлович путем шантажа пытается захватить действительно пока независимую оппозиционную газету «Народную волю» и превратить ее в бульварную желтую прессу. «Народной воле», чтобы быть прежней, нужно любой ценой избавиться от провокатора. Власти нужен Козлович, чтобы он изнутри подрывал оппозицию. Вот почему особо опасен для «Народной воли» и демократии Козлович.

Вы, Козлович, хорошо научились предавать и продавать демократию. Избавляться от вас надо немедленно! (Распылить, что ли? – **А.К.**)

Конечно, я использую свои вырезки хроник Козловича по методу Фролова, в туалете. (К аналогичному решению пришли те из двенадцати мстителей, у которых имеется моя первая книга из цикла «Белорусы между небом и землей». Они злорадно сообщили, что повесят ее на гвоздик вместо туалетной бумаги. В той книге 620 страниц – круглый год можно пользоваться, радоваться победе над моими мыслями и чувствами. Хочу испортить пользователям кайф. В типографской краске имеются компоненты, чрезвычайно опасные для здоровья. Через прямую кишку они будут всасываться организмом, вызовут аллергию, нарушения обмена веществ. Фролов – в курсе. Мою книгу в туалете он просто читал. У него привычка везде повышать свой культурный уровень, он говорил мне, что читает в туалете и Толстого, и Шукшина. Инквизиторам моей книги напоминаю, что испытанным методом борьбы с книгой как с формой ереси является огонь. Жгите ее! Пляшите вокруг костра! Это будет чисто по-фашистски. – **А.К.**)

Кто такой Оргиш, я еще не определил до конца. Мне яснее ясного, кто такой Козлович. Бывший свой. Важно убрать Козловича из «Народной воли».

Приговор зачитан. Что обычно бывает дальше?

Дальше – казнь на площади Независимости через повешение. Это мне обещано по телефону. После падения режима Лукашенко пришедший режим повесит меня рядом с писательницей Светланой Алексиевич. «Она же демократка – за что ее?» – спросил я. «За то, что пишет не по-белорусски».

М.Дубовик, как я уже говорил, существует в двенадцати вариациях.

Николай Томкович (из Бреста) пишет, что «ничего не понимая в военном деле, Козлович взял на себя роль оценщика и критика профессиональной военной деятельности генерала Фролова, называет его воякой».

Алексей Томкович (тоже из Бреста) вторит: «То, что Козлович ничего не смыслит в военном деле, понятно. Он училищ не кончал, и неизвестно, служил ли сам хотя бы солдатом. (Закончил военную кафедру Белгосуниверситета. Два года отслужил лейтенантом. Сейчас – капитан запаса. – **А.К.**) С чего бы такая активность Козловича? Приближаются президентские выборы, пора отсеивать претендентов, облить грязью одного из них, чтобы сориентировать народ. Такой писатель нашелся, как видим».

М.Козик (адреса нет) защищает Фролова от ренегата-писателя без сомнений и оговорок: «Я не знаю и никогда не встречался с Козловичем и Фроловым. Но из многочисленных материалов печати у меня сложилось впечатление о генерале как о порядочном политике и человеке, который ратует за справедливость и народное благо».

Мікалай Шасцялінскі, пенсіянер з Маладзечна, абазваў маю хроніку «цынічным пасквілем на паважанага ў краіне чалавека, сумленнага, мужа, рашучага палітыка, змагара за дэмакратыю». Артыкул «Генерал і егерь», піша ён, – «гэта своеасаблівы экзамен спадара Казловіча на атрыманне месца ў

якім-небудзь прэзідэнцкім рупары”. Дзякуй, дзед Мікалай, што хоць спадаром назваў!

Похожие мотивы – в письме минчанина Валерия Огневцева: “Моська лает на слона. Несостоявшийся поэт и так называемый писатель Анатолий Козлович подошел к образу генерала Фролова, умного, обаятельного человека и мужественного, харизматичного политика, предвзято, тенденциозно, как пасквильянт”. Где должна находиться макулатура такого писаки? Огневцев убежден: в туалете.

Минчанка Тамара Белая с 16 марта 2002 года считает меня “засланным казачком” в ряды оппозиции. В тот день в газетной заметочке я признался, что был бы рад решению президента Лукашенко о строительстве новой национальной библиотеки, если бы точно знал, что он не причастен к исчезновению известных политиков. “Великий публицист воспел осанну белорусскому правителю!” – мгновенно приговорила Белая. С тех пор она судит меня за каждое мое слово, клеймит позором непрерывно, письменно, устно, коллективно, вкупе с подругами-революционерками. Как женщине, ей, конечно же, предпочтительнее генерал, а не рядовой “казачок”.

Чтобы возвысить генерала Фролова, пенсионер из Кобриня Степан Василюк унижает егеря Новикова, в размышлениях которого “крайне убогая интеллектуальная и весьма гипертрофированная нравственная составляющие. Это не что иное, как обыкновенная схема примитивного диссидентского мышления во всех авторитарных странах”.

Прекращаю цитирование писем, ибо пойдут буквальные повторы. Симптоматично: необъяснимая любовь к генералу у моих оппонентов соседствует с немотивированной ненавистью к егерю. На “простых читателей” напала чувственная эпидемия. Двенадцать авторов, а как будто один. Двенадцать личностей, но впечатление безликости. Двенадцать, а вроде никого. Только любовь и ненависть. Эмоции, но не разум.

Это – белорусский народ.

Унижая Новикова, народ выказывает нетерпимость к яркому, неординарному, талантливому. Чтобы Новиков не маячил перед глазами, не озадачивал собственной трезвостью, не читал экологических нотаций, не строил новый дом, его нарекли блаженным, белой вороной, а также брали на мушку, таскали в суд, жгли.

Без новиковых никогда не родится в Беларуси гражданское общество как основа демократии. Вместо него по-прежнему будет плыть куда-то по наклонной народная масса, обладающая пассивным потенциалом. Как тающий ледник, в котором нет внутреннего развития. Он лишь сползает в никуда. И массу, и потенциал политики высокопарно именуют: народная воля. Или: воля народа.

Никто из двенадцати народовольцев с Фроловым не знаком, зато все слышали, как уважительно он отзывается о народе. Поражает, как некритично все двенадцать воспринимают человека, возжелавшего вознестись над ними. Вы же, уважаемые, истинного Фролова абсолютно не знаете, вы прочитали в газете его любвеобильные статьи, сочиненные не им, а спичрайтерами.

Прочитав двенадцать писем, я уразумел, как легко и быстро можно стать в Беларуси всенародным президентом. Так же, как и врагом народа. В нескритичности белорусов – истоки их житейских невзгод. Они могут не задумываясь довериться проходимцу. Он будет над ними издеваться, они – терпеть.

Доверчивость белорусов приводит их к раболепию перед любым начальником, а начальника ведет к диктатуре. Так не пора ли признать народную доверчивость преступлением?

Я общался с Фроловым много раз, не один день, в компании и наедине, ездил с ним к дважды Герою Старовойтову и к экологу-крестьянину Новикову, наблюдал его в разных ситуациях, брал с ним рюмку, вел жесткие дискуссии, открыл в нем простодушие фальши, был обманут им и по мелочам и по крупному, неоднократно убедился в его необязательности, заметил в нем попытку раскаивания, слышал от него “искреннее спасибо за критику” – неужели всего этого не происходило, а я придумал?

Неужели у вас, мои читатели-антагонисты, враз испарилась человеческая осмотрительность, как только вы слышали от генерала, что он даст вам большие блага? А что как врет именно Фролов, а не Козлович? Неужто ваш разум затмился до такой степени, что вы не признаете за писателем ни слова правды, ни нотки тревоги, ни профессиональной интуиции?

Вы подумали, кто будет страдать, если вы выберете себе в начальники очередного шута горохового? Будут продолжать страдать ваши дети, внуки, правнуки. Так же, как страдают сейчас от вашей неразборчивой воли, навязавшей им Лукашенко. Вслушайтесь еще раз в слова молодой девушки Людмилы Щ. из моей хроники “Белдомострой”:

“Страшно! Неужели так легко купить волю и сознание народа за пустые обещания? Хочется кричать от злости, чтобы разбудить окутанных гипнозом людей: я не буду жить в мире, созданном вами!”

После публикации названной хроники к редактору Середичу (он мне рассказывал) явилась делегация воинствующих пенсионеров, потребовала никогда не печатать Козловича, не разбирающегося в общественно-политической ситуации в стране. Если редактор не выполнит ультиматум, то они поедут по Беларуси агитировать, чтобы никто не выписал “Народную волю”.

Трагедия не в том, что у автора и читателей различные оценки общественно-политической ситуации. Плюрализм можно пережить, сгладив компромиссом. Трагическая подоплека наших разногласий в методах анализа. Я не верю, но исследую. Они слепо принимают на веру, не имея на руках фактов и доказательств.

Двенадцати читателям показалось, что я “придираюсь” к Фролову по мелочам. Их могли бы убедить только крупные политические грехи Фролова, которых он еще не успел совершить. Возможно ли их предугадать? Существуют ли реальные возможности предотвращения авторитаризма, обмана, коррупции на ранних этапах их зарождения, допустим, на стадии выборов очередного президента? Да, существуют.

Перед кандидатом надо высоко поднять планку и крепко держать всем миром. Пусть прыгает! Пусть доказывает свои возможности не словами, а действием. Мы придирчиво понаблюдаем и оценим, не стесняясь своей жестокости. Он сам напросился. Неужели вы не убедились, что наши поблажки и наша политкорректность могут выйти нам боком?

Не убедились, как видим. Простили крупные грехи Сталину, Хрущеву, Брежневу, Горбачеву, Машерову. Простят и Фролову, если совершит.

Перед Фроловым возник Козлович, начал судорожно устанавливать свою планку. Фролов прыгнул – и не взял высоты, заданной писателем. Козлович предложил повторить попытку. Однако налетели читатели-бесы, вырвали планку из его рук, дали ему по башке, а Фролову милостиво разрешили: проходи без прыжка, любимец наш...

Писателю дали по башке, чтобы не колебал внушений начальника. Народу невыносимо больно, если вместо психологических установок приходится напрягать извилины. Для народной воли стабильность лучше, чем тревога. Писатель как сеятель сомнений воспринимается как враг.

В 1994 году сверхдоверчивые советские люди, совки, как их называют, избрали Лукашенко, наобещавшего короб счастья. Теперь вы сыты им по горло. Поперхнулись от изобилия так, что захотели поменять Лукашенко на другого. Остыньте. Посмотрите на каждого нового претендента в бинокль, в лупу, в рентген. Придирайтесь к каждой мелочи в их поведении. Потребуйте справки из психбольницы и наркологического диспансера. Не стесняйтесь. Они не будут церемониться с вами, когда завладеют властью.

Меняя Лукашенко на нового правителя-обещалкина, не отвергайте напрочь и мой журналистский опыт изучения человека в конкретной ситуации. За много лет я ни разу не ошибся в авторских оценках героев моих документальных произведений. Глубоко ошибаетесь Вы:

М.Дубовик из Логишина,
Николай Владимирович Томкович из Бреста,
Алексей Федорович Томкович из Бреста,
М.Козик (без адреса),
Николай Шестелнинский из Молодечно,
Валерий Александрович Огневцев из Минска,
Тамара Белая из Минска,
Степан Васильевич Василюк из Кобрина,
Василий Емельянович Цыркунов из Бельничей,
А.Волчанин из Жодино,
С.Забродянец из Барановичей,
И.Минаков из Могилева.

Вы – активные граждане: участвуете в политике, пишете в газету. Ваши личные заблуждения могут дорого стоить Беларуси. Не сейте в народе дурных внушений, как это делают бесы, злые духи. Вспомните, что вы когда-то были ангелами. Согласно христианской догматике, живущее в бесах зло – не

свойство, изначально присущее их природе, а следствие ложного выбора их воли.

В январе 2005 года я зашел к Иосифу Середичу, передал очередные хроники, спросил, когда напечатает.

– Не знаю, – замялся Середич. – Не уверен, что ты вступишь в новую концепцию газеты.

– Разве концепция изменилась?

– Ладно, оставляй. Почитаю. Потом решу, что делать. Возможно, кое-что напечатает. На тему природы, например. Или о деревне.

– Ты меня ограничиваешь в тематике? Я пишу только о том, что болит.

– Газета имеет право печатать то, что нужно ей. А что не нужно – не печатать. Я должен учитывать мнение читателей, многие не согласны с тобой. Значит, от твоих хроник газета ничего не приобрела, – сказал Середич.

В журналистской среде подобное отношение к автору принято считать редакторским хамством. Кроме того, я в очередной раз увидел, на каком уровне, мировоззренческом и профессиональном, застрял Середич. Помню, как 10 июня 2002 года, когда я был у Середича первым замом, наш служебный спор завершился его коммунистическим приговором публицисту Козловичу: “В своих хрониках ты растаптываешь лучшие чувства белорусов, очерняешь жизнь, в которой есть и светлое. Ты как писатель не указываешь выход”. Точно такие же упреки в свой адрес я слышал в 1972 году в здании ЦК компартии БССР от заведующего отделом сельской жизни Ефрема Соколова.

20 января 2005 года я забрал у редактора Середича свои тексты и ушел из “Народной воли”, оставив 100.000 ее читателей без правдивой информации (при тираже примерно 30.000 каждый номер читает три человека). Я не знаю, что думают по этому поводу 100.000 моих современников. Они молчат. Я слышу, как в молчащей атмосфере Беларуси пируют 12 бесов. Это надолго. И потому я уже никогда не буду счастлив.

Народная воля обрела кавычки, сделалась газетой, ввела собственную цензуру. Слепая народная воля не колеблясь лишила слова писателя, не потравившего ей в унисон. Гонца, принесшего нежелательные вести, убивают.

Иосифу Середичу, деятелю одновременно авторитарному и маргинально неустойчивому, внушают свою волю двенадцать внушаемых народных бесов, простивших советских диктаторов и превратившихся в полицию мыслей. Редактор вынужден быть с ними в одной команде, иначе они не выпишут или не купят в киоске его газету, и она потерпит финансовый крах, закроется, оставит редактора без хлеба с маслом.

2005